

Круковский Михаил Антонович

Родная жизнь

Рассказы по родиноведению

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Антонович К.**
Родная жизнь: Рассказы по родиноведению / Круковский Михаил Антонович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 250 с.

ISBN 978-5-519-91288-4

Содержание. В стране хад; В огне; За дорогим зверьком; В горных скитах; На исчезающей реке; На льдине; Бедный Лейзер

ISBN 978-5-519-91288-4

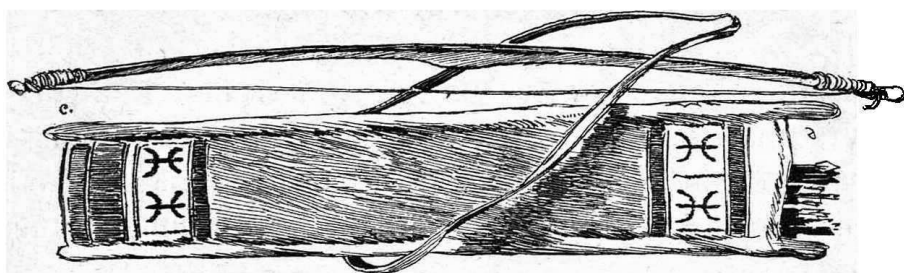
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ странѣ «Хадъ» *).

Широко и далеко раскинулась безпредѣльная угрюмая тундра. Покрылася она ровной, гладкой скатертью снѣговъ, на которой лишь изрѣдка стоятъ наметенныя послѣднею пургой бугры-сугробы, да кое-гдѣ виднѣются полузанесенныя рощи карликовыхъ, корявыхъ и дряблыхъ елей. Кажется, нѣтъ и не можетъ быть жизни въ этой бѣлой странѣ снѣговъ, здѣсь нѣтъ ни пріюта, ни пищи ничему живому. Взойдетъ ярко-красное, большое солнце, пройдетъ краемъ небосклона низко-низко, окраситъ снѣга яркимъ пурпуромъ, не согрѣетъ никого и ничего, и сейчасъ же закатится круглымъ, большимъ шаромъ. Погрузятся снѣга въ тьму, и длится она долго-долго, пока опять не проглянетъ на два-три часа несогрѣвающее, холодное солнце. Иногда по ночамъ зажгутся на небѣ волшебные огни, запылаетъ сполохъ, или сѣверное сіяніе, и наполнить весь міръ красками — желтыми, красными, фіолетовыми... Пойдутъ мигать-переливаться на снѣгу огни и краски,

*) Хадъ, — пурга

и жутко станетъ тогда на душѣ у всякаго живого, очутившагося въ этомъ морѣ нежгучаго, свѣтящаго ночью огня. А потомъ все кончится, погаснетъ, и снова бѣлые снѣга погрузятся въ мертвящую темноту.

Но снѣга эти не такъ безжизненны, какъ кажется. Въ нихъ есть жизнь, хотя и невидимая на первый взглядъ. Лѣтомъ, которое здѣсь стоитъ не долѣе двухъ мѣсяцевъ, тундра оживаетъ: вырастаетъ трава, мелкій кустарникъ, оживаютъ карликовыя рощицы, въ которыхъ слышенъ говоръ птицъ, бродитъ всякій звѣрь; тучи комаровъ застилаютъ дневной свѣтъ и не даютъ покоя никому живому; по тундрѣ бродитъ кочевникъ-самоѣдъ и пасетъ своихъ, изголодавшихся за зиму, оленей... А зимой жизнь хоть и не такъ замѣтна, она все-таки есть. Тотъ-же самый самоѣдъ живетъ здѣсь въ своихъ чумахъ, расположенныхъ далеко другъ отъ друга, стережетъ своихъ оленей-кормильцевъ; олень бродитъ по бѣлымъ полямъ и, разрывая копытомъ слой снѣга, достаетъ изъ-подъ него вкусный ягель, мохъ, которымъ только и питается; среди сугробовъ бродитъ осторожная полярная лисица, вонючая росомаха, коварный песецъ и хищный волкъ, а въ перелѣскахъ водятся безчисленныя стаи никѣмъ непуганныхъ бѣлыхъ куропатокъ. Словомъ, незримая, скрытая, тихая кипитъ жизнь. Всевластнымъ-же царемъ этой холодной и темной страны является все-таки человекъ.

Затерянные въ снѣгахъ, отдаленные отъ сосѣдняго жилья на полсотни верстъ, одиноко стоятъ среди обширныхъ равнинъ нѣсколько самоѣдскихъ

чумовъ. Эти конусовидныя, похожія на сахарныя головы постройки, которыя и нельзя назвать постройками, едва возвышаются надъ снѣгами. Устраивается чумъ очень просто. Вбиваютъ въ землю нѣсколько жердей, огораживая ими кругъ не болѣе четырехъ-пяти аршинъ въ діаметрѣ; концы кольевъ вверху соединяютъ ремнями изъ оленьей кожи, оставляя лишь небольшое отверстіе для прохода дыма. Сверху жерди плотно закрываютъ двойнымъ рядомъ оленьихъ шкуръ,—вотъ и весь чумъ. Въ одномъ мѣстѣ, внизу оставлено отверстіе для прохода, вродѣ двери; она занавѣшивается шкурой. Эта дверь такъ невелика и низка, что въ нее можно пройти лишь ползкомъ. Внутри получается круглая комната съ наклонными стѣнками. Въ ней одно только окно—отверстіе сверху, служащее и для освѣщенія чума, и для прохода дыма. Посреди чума на полу находится очагъ, на которомъ разводятъ огонь и варятъ пищу; вокругъ очага и сидятъ, и ѣдятъ, и спятъ.

Нѣсколько такихъ чумовъ стояли въ тундрѣ поодаль другъ отъ друга, составляя становище самоѣдовъ. Это были бѣдные люди, имѣвшіе всего нѣсколько десятковъ оленей. Но невдалекѣ одиноко стоялъ черный срубъ изъ мелкихъ тундровыхъ деревьевъ,—то былъ чумъ богача-самоѣда Вyrко. Чумъ этотъ тоже былъ не очень большой, но въ немъ было подобіе окна, затянутого пузыремъ, и подобіе двери; но ни печи, ни трубы тоже не было, и дымъ выходилъ прямо въ отверстіе въ потолокъ; а потолокъ сверху просто-напросто былъ заваленъ землею и служилъ въ то-же время и крышей. Но такая постройка была доступна не всякому: ее могъ воз-

вести только такой богачъ, какъ Вырко. И какъ не быть ему богатымъ, когда у него больше тысячи оленей гуляетъ по тундрѣ близъ становища! Когда проѣзжій, очень рѣдкій въ этихъ мѣстахъ, посѣщаетъ становище, онъ непременно останавливается у Вырко. У него онъ и ѣстъ, и ночуетъ, и оленей беретъ для проѣзда, и за все это платитъ деньги. А бѣдному и заработать нельзя.

На краю становища, въ сторонѣ отъ другихъ, стоялъ невзрачный чумъ самоѣда Тако. Всего-навсего пять оленей было у Тако, а развѣ можно прожить съ пятью оленями? Но когда-то Тако былъ очень богатъ: въ тундрѣ у него гуляло не менѣе пятисотъ оленей. Задумалъ тогда Тако жениться и началъ подыскивать невѣсту. Понравилась ему дѣвушка, дочь одного самоѣда, и повелъ онъ съ нимъ переговоры. Но отецъ, видя богатство Тако, потребовалъ выкупа за дочь не менѣе ста оленей. Такъ развѣ Тако станетъ жалѣть оленей изъ-за такой красивой дѣвушки? Положимъ, она была некрасива, потому что лицо ея было изрыто оспой; но вѣдь и самъ Тако былъ тоже рябой. Развѣ избѣжишь этой глупой болѣзни, которая портитъ каждое человеческое лицо? Рѣдкій человѣкъ въ тундрѣ не обезображенъ ею. Такъ неужели-же изъ-за такого пустяка отказываться отъ невѣсты! Тако отдалъ сто оленей отцу красавицы Логай и женился на ней.

Хорошо они жили первый годъ. Ъздили они по тундрѣ, по своимъ родовымъ угодьямъ, водили оленей, и ни въ чемъ недостатка не было. Нѣсколько разъ въ году свѣжевали оленя, ѣли его вкусное мясо, на зиму дѣлали большіе запасы суше-

ной трески и другой рыбы, которую ловили лѣтомъ, или вымѣнивали у проѣзжихъ промышленниковъ на оленье шкуры и звѣриныя мѣха; былъ и порохъ для охоты, и много силковъ для ловли звѣря и птицъ... Въ довершеніе счастья чрезъ годъ у нихъ родился сынъ Урко.

Но скоро благополучіе кончилось.

Въ тундрѣ часто бываетъ такъ: сегодня былъ богачемъ, а завтра сталъ нищимъ. Почти то-же случилось и съ Тако. Однажды свирѣпствовала въ тундрѣ сибирская язва на оленей. Нѣтъ страшнѣе болѣзни, ничѣмъ ее не предотвратишь, не вылечишь. Олени падали, какъ мухи. Долго свирѣпствовала язва, долго самоѣды перемѣняли мѣста, стараясь возможно дальше убѣжать отъ нея; но когда болѣзнь кончилась, многіе не досчитались и половины своихъ оленей, а у Тако ихъ осталась всего сотня.

Можно было, конечно, жить и съ сотней оленей, и жить не плохо; но въ одну изъ суровыхъ зимъ случилась новая бѣда. Поднялась однажды въ тундрѣ хадъ, такая сердитая, какой и старики не помнили; свирѣпствовала она нѣсколько дней; свѣту божьяго не видно было въ тундрѣ, все занесло, замело снѣгомъ, навѣяло громадныя сугробы. Нельзя было выйти изъ чума, а между тѣмъ всѣхъ безпокоила мысль: что станетъ съ оленями, гуляющими въ тундрѣ? И дѣйствительно, случилось большое несчастіе: много оленей погибло въ пургу. Одни околѣли, другіе разбѣжались и потомъ одичали... Много нищеты принесла самоѣду эта пурга, сдѣлался нищимъ и Тако,—потому что изъ сотни оленей у него осталось всего на всего пять.

Съ тѣхъ поръ пошли тяжелые годы. Нельзя стало лакомиться вкусной олениной, не было оленьихъ шкуръ для обмѣна на рыбу, муку и другіе товары. Семья не разставалась съ нуждой. Шли долгіе годы этой нужды; а кто ихъ считаетъ, эти годы? Идутъ себѣ, и идутъ. И никто изъ самоѣдовъ не знаетъ даже, сколько кому лѣтъ. Жизнь однообразна, какъ тундра, и длинна, какъ та веревка, которою окружаютъ собранное стадо оленей. Одинаково каждое лѣто кусаютъ комары, тучами носящіеся надъ тундрой, одинаково каждую зиму вѣютъ снѣга. Тако жилъ такъ же, какъ и всѣ его сородичи, только бѣднѣе ихъ. Когда олени выѣдали въ окрестности ягель и мохъ, которые они выкапывали изъ-подъ снѣга, Тако, какъ и другіе, снималъ свой чумъ, укладывалъ оленьи шкуры, жерди и весь хламъ на сани-кережки и переѣзжалъ на другое мѣсто, еще не тронутое оленями. Тамъ устраивалось новое становище. А лѣтомъ, когда тундра покрывалась травой, оленямъ было приволье вездѣ. И люди тоже отдыхали послѣ долгой зимы. Они кочевали по своимъ широкимъ родовымъ угодыямъ, выбирая мѣста поблизости рѣкъ, чтобы можно было ловить рыбу и сдѣлать запасы ея на зиму. Маленькій Урко всюду сопровождалъ отца, принималъ участіе во всѣхъ работахъ, и въ двѣнадцать лѣтъ уже хорошо умѣлъ и рыбу ловить, и ловушки ставить на звѣря и птицу. Онъ выучился хорошо стрѣлять изъ стариннаго отцовскаго ружья, ложе котораго едва держалось, прикрѣпленное ремешками къ стволу. Изъ этого ружья Урко попадалъ пулей прямо въ голову звѣрю; но порохъ былъ очень дорогъ, купить его

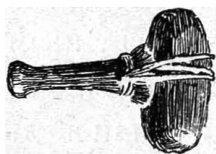
не на что было, поэтому стрѣлять приходилось рѣдко. За то стрѣлы ничего не стоили, и Урко стрѣлялъ ими изъ лука, попадая ими не только въ куропатку, но даже въ горностая.

Стояла глубокая зима. Были самые короткіе дни, когда солнце, показавшись на горизонтѣ огненнымъ шаромъ, закатывалось чрезъ часъ. Днемъ стояли сумерки. Съ восходомъ солнца чумы закурились дымомъ: хозяйки принялись за стряпню. Кто пекъ на огнѣ прѣсныя ржаныя лепешки, кто варилъ похлебку изъ крупы. Чумъ Тако тоже задымился, но тамъ хозяйкѣ нечего было варить: ни муки, ни крупы не было. Тамъ жгли огонь для тепла. Урко вылѣзъ изъ-подъ оленьихъ шкуръ, въ которыхъ онъ спалъ совершенно раздѣвшись, какъ вообще спятъ самодѣды, одѣлъ *малицу* — мѣшокъ изъ оленьей шкуры шерстью внутрь, и попросилъ ѣсть. Мать дала ему кусокъ сушеной рыбы.

— Иди, сынокъ, на охоту одинъ, я опять не могу, у меня все болитъ, — раздался изъ-подъ шкуръ слабый голосъ отца.

Урко живо собрался, одѣлъ сверху *совикъ* оленью шубу шерстью вверхъ, съ колпакомъ на голову, забралъ свой лукъ со стрѣлами, привязалъ къ ногамъ лыжи и умчался въ ту сторону, гдѣ среди безконечнаго поля снѣговъ виднѣлась черная линія низкорослаго ельника. А мать, оставшись дома, принялась за свою несложную работу: зачерпнула снѣгу котелкомъ и поставила кипятиться на очагъ, потомъ взяла изъ угла большую, бедерную кость оленя и, положивъ ее на камень, другимъ камнемъ начала толочь. Эту кость наканунѣ принесъ Урко; онъ от-

нялъ ее у собакъ. Зачѣмъ отдавать собакамъ, когда самимъ можно съѣсть? Эту кость можно истолочь въ мелкій порошокъ, затѣмъ всыпать его въ кипятокъ, да бросить потомъ туда же кусокъ сушеной

Молотокъ изъ
гальки.

рыбы; а если еще прибавить сюда немного крупы, то выйдетъ лучшая въ мірѣ похлебка. Сидитъ Логай и усердно толчетъ кость. Отъ этого толченнаго, костяного порошка разносится кругомъ тяжелый запахъ; но запаховъ въ чумѣ и другихъ не мало. Пахнетъ дымомъ, который не успѣваетъ выйти въ верхнее отверстіе, сильно разить отъ сушеной рыбы подвѣшенной на жерди поперекъ чума, а отъ того мѣста, гдѣ лежитъ мужъ, доносится нестерпимый смрадъ. И всѣ эти запахи смѣшиваются въ одно цѣлое и наполняютъ чумъ. Но Логай не чувствуетъ смрада. Она работаетъ и все время думаетъ о своемъ больномъ мужѣ. Сколько уже дней боленъ онъ—и не счесть. Скверная болѣзнь, тяжелая болѣзнь! Тако заболѣлъ цынгой.

Эта болѣзнь, бывающая всегда при недостаткѣ растительнаго питанія, очень распространенная въ полярныхъ странахъ, появилась у Тако не сразу. Сначала онъ началъ усиленно спать; спалъ день и ночь, сутки за сутками, и не могъ преодолѣть сна. Тщетно будили его: онъ просыпался очень неохотно, и вскорѣ опять засыпалъ. За время этого сна у него опухли руки и ноги, потомъ и все тѣло стало пухнуть. Прошло еще нѣсколько дней, и десны его покрылись ранами, изъ которыхъ начала сочиться вонючая кровь. Сначала не понять было Логай этой болѣзни, но вскорѣ сосѣди объяснили ей, что это страшная гостья—цынга.

Умреть онъ у тебя, если не дать ему попить горячей оленьей крови.

И самъ Тако слабымъ голосомъ говорилъ ей:

— Сходи, Логай, къ сосѣдямъ, узнай, не будетъ ли кто свѣжевать оленя, не дастъ ли горячей крови.

Но никто оленя не свѣжевалъ.

Неужели свѣжевать одного изъ послѣднихъ своихъ пяти оленей? Но Логай, слушая стоны мужа, сидя за толченьемъ костяного порошка, надумала думу. Она рѣшилась попрощаться съ оленемъ.

— Я пойду, Тако, освѣжую оленя.

— Не надо, Логай.

— Отчего? Ты напьешься горячей крови и сразу выздоровѣешь.

— Жалко, Логай.

— Не жалѣй, Тако. Ты мнѣ дороже оленя. Съ кѣмъ я останусь?

— Ты останешься съ сыномъ и оленями.

— Мнѣ тебя жаль.

— Если я умру, у тебя не будетъ ни меня, ни оленя, а если выздоровѣю,—и я буду у тебя, и олень будетъ. Не рѣжь, Логай, можетъ поправлюсь и безъ этого.

Такъ онъ и не позволилъ зарѣзать оленя.

Къ вечеру пришелъ Урко и принесъ пять штукъ убитыхъ стрѣлой бѣлыхъ куропатокъ. Голодная семья готова была съѣсть ихъ сырыми, но Логай слегка вычистила ихъ и поджарила на огнѣ. Въ горячій кипятокъ она бросила горсть костяной муки, прибавила туда трески, и вскорѣ семья сытно поужинала. Но Тако почти ничего не ѣлъ. Опухшія десны заполняли весь ротъ, зубы не только не пережевывали

вали пищи, но не разжимались. Къ ночи ему стало хуже, горломъ пошла кровь.

— На утро я зарѣжу оленя,—твердила Логай.

— Не рѣжь, Логай. Все равно теперь не поможетъ. Видишь, кровь изъ тѣла пошла, живой я сгнилъ и смрадъ отъ меня идетъ. Много у меня этой крови вышло, я ослабѣлъ и едва живъ. Теперь уже поздно, не рѣжь оленя, Логай, побереги, а я все равно умру.

Дѣйствительно, на другія сутки Тако умеръ. Умеръ, какъ и жилъ, никому неизвѣстный, предпочтя свою смерть смерти оленя, оставивъ вдову и сироту сына безъ хозяина чума, но съ лишнимъ оленемъ.

Похоронили его недалеко отъ становища, въ вырытой въ снѣгу могилѣ, а чтобы голодные волки не разрыли ее, насыпали надъ ней большой сугробъ снѣга.

— Теперь ты самъ хозяинъ, — сказали сосѣди Урко. — Владѣй оленями, чумомъ, плати казнѣ ясакъ*), корми мать.

И Урко сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ чума, хотя мальчику было не болѣе двѣнадцати лѣтъ.

Первымъ дѣломъ онъ осмотрѣлъ отцовское ружье и привелъ его въ порядокъ, вычистивъ и наложивъ для крѣпости новые ремешки. Ничего, стрѣлять можно. Хоть и старое, а ловко бьетъ. Съ восходомъ солнца Урко повѣсилъ ружье на плечи, взялъ свой лукъ и стрѣлы и, надѣвъ лыжи, побѣжалъ на охоту въ отдаленный ельникъ.

*) Подать.